
НАУЧНЫЙ АРХИВ
SCIENTIFIC ARCHIVE

Лев Выготский о радости и скорби (комментарии к статье «Мысли и настроения»)

В.С. Собкин*,

ФГБНУ «ИУО РАО», Москва, Россия,
sobkin@mail.ru

Т.А. Климова**,

АНО ВПО МПУ, Москва, Россия,
t-klim@list.ru

Данная публикация посвящена одной из трех ранних статей Л.С. Выготского, которые касаются проблем восприятия современности в контексте религиозно-исторических событий еврейского народа. Она является второй в его историко-религиозном триптихе и представляет размышления молодого Выготского об особенностях еврейского праздника Ханука в двух контекстах: историческом и в контексте современных событий. Комментарии к статье решают несколько задач. В первую очередь они направлены на реконструкцию тех социально-экономических событий, которые определяли жизнь России в период Первой мировой войны. Также комментарии призваны помочь современному читателю как глубже понять содержание публикуемого текста статьи, так и представить своеобразие личностно-смысловой позиции молодого Выготского. Комментарии ориентированы на восстановление необходимых для понимания статьи знаний религиозных и художественных текстов, а также дискуссий, характерных для еврейской культурной традиции. Особое место занимает анализ композиционно-стилистических особенностей статьи Выготского, ее внутренней диалогичности. В комментариях обращается внимание на ряд сюжетов, которые впоследствии будут затронуты Выготским в его психологических исследованиях.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, психология переживания, религиозный опыт, социальная ситуация, культурный диалог, национально-культурное самоопределение, личностный смысл, стилистические особенности.

Для цитаты:

Собкин В.С., Климова Т.А. Лев Выготский о радости и скорби (комментарии к статье «Мысли и настроения») // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 3. С. 71–82. doi:10.17759/chp.2017130309

For citation:

Sobkin V.S., Klimova T.A. Lev Vygotsky on Joy and Sorrow (Comments on the Article «Thoughts and Moods»). *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* = *Cultural-historical psychology*, 2017. Vol. 13, no. 3, pp. 71–82. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2017130309

* Собкин Владимир Самуилович, доктор психологических наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, Институт управления образованием РАО», Москва, Россия. E-mail: sobkin@mail.ru

** Климова Татьяна Анатольевна, старший преподаватель кафедры общей и прикладной психологии, Московский православный университет имени Св. Иоанна Богослова (АНО ВПО МПУ), Москва, Россия. E-mail: t-klim@list.ru

Sobkin Vladimir Samuilovich, PhD in Psychology, Director of the Centre of Sociology of Education, Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia. E-mail: sobkin@mail.ru

Klimova Tatiana Anatolyevna, Senior Lecturer, Chair of General and Applied Psychology, Moscow Orthodox Institute of St. John Theologian, Moscow, Russia. E-mail: t-klim@list.ru

Lev Vygotsky on Joy and Sorrow (Comments on the Article «Thoughts and Moods»)

V.S. Sobkin,

Institute of Education Management of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia,
sobkin@mail.ru

T.A. Klimova,

Moscow Orthodox Institute of St. John Theologian, Moscow, Russia,
t-klim@list.ru

This publication focuses on one of the three early articles by Lev Vygotsky which deal with the issues of perception of modernity in the context of religious and historical events of the Jewish people. It is the second article in his historical and religious triptych and represents the young Vygotsky's reflections on the specifics of the Jewish Hanukkah holiday in two contexts: historical and the context of contemporary events. These comments on the article solve several tasks. First of all, they are aimed at reconstructing those socio-economic events that determined the life of Russia during the First World War. Also, the comments are intended to help the modern reader to understand more deeply the content of the published text and the originality of the personal and semantic position of the young Vygotsky. The comments are aimed at reconstructing the knowledge of religious and artistic texts necessary for understanding the article, as well as the discussions that are characteristic of the Jewish cultural tradition. The analysis of compositional and stylistic features of Vygotsky's article and of its inner dialogical nature also plays an important part. The comments conclude with an outline of certain issues which would later reappear in Vygotsky's psychological research.

Keywords: cultural-historical psychology, psychology of experience, religious experience, social situation, cultural dialogue, national and cultural self-determination, personal meaning, stylistic features.

Публикуемая здесь статья Л.С. Выготского «Мысли и настроения» является второй из цикла трех его небольших работ, напечатанных в 1916/1917 гг. в журнале «Новый путь». Они посвящены проблемам восприятия современности в контексте религиозно-исторических событий еврейского народа: траур 9-го ава, праздник Хануки, Песах [10; 12; 13].

Напечатанные в еврейском еженедельнике, упомянутые статьи известны лишь узкому числу специалистов и до сих пор не вошли в активный научный оборот, поскольку, на первый взгляд, не касаются тех фундаментальных психологических проблем, которыми позднее занимался Выготский. Однако подобное мнение малооправдано, в чем, как мы надеемся, сможет убедиться читатель, ознакомившись с этими работами.

Эти три статьи составляют своеобразный историко-религиозный триптих, объединенный особой эмоционально-образной партитурой: «поражение и переживание дней скорби — радость победы и ожидание чуда — чувство свободы и страх перед будущим». Эти переживания выступают своеобразным эмоционально-смысловым камертоном к восприятию Выготским современных событий в России накануне революции. *История и современность* — основная проблема, которая объединяет все три статьи молодого Выготского; точнее — взгляд на современность через призму истории.

Важно подчеркнуть, что в этих трех небольших статьях, как и в завершенной за несколько месяцев до этого известной его работе о Гамлете, обнару-

живается напряженный поиск себя; работа *не холодной мысли*, а именно *живое и непосредственное*, активное переживание молодого человека, определяющего себя в пространстве культуры, вступающего при этом в диалог с философами, историками, поэтами. И здесь принципиально важно иметь в виду ряд моментов, которыми мы хотели бы предварить чтение небольшой статьи Выготского, посвященной еврейскому празднику Ханука, и наших комментариев к ней.

1. **Национальная самоидентификация.** Кризис идентичности является базовой характеристикой юношеского возраста. Важно подчеркнуть, что и Выготский, как видно из статьи, остро переживает его в ситуации ценностно-нормативной неопределенности, которая характерна для России в период Первой мировой войны, непосредственно накануне революции. В этом смысле особое значение имеет та принципиальность в самой постановке вопроса о своем еврейском происхождении, которая отличает молодого Выготского. Это отнюдь не мелкое обывательское, не ситуативное отношение. Для него проблема разворачивается в масштабе исторической судьбы еврейского народа. И отсюда вопрос, от которого он не может уйти: что значит сегодня быть евреем в России? Ответ на него возможен только с помощью перехода в *духовное пространство*. И здесь заметим, что Выготским затрагивается ключевая ценностная оппозиция, проблематизирующая и сегодняшнее существование современного человека, которую отчетливо сформулировал Э. Фромм: *быть или иметь?*

Безусловно, для Выготского в тот период сама ценностная установка «быть» связана, как видно из статьи, с религиозным опытом, стремлением пережить исторические события жизни своего народа, восстанавливая и углубляя их религиозное значение. Надеемся, что знакомясь с этой статьей (а также двумя другими работами этого цикла), читатель не только прочувствует насколько глубоко их автор был знаком с самими религиозными текстами, философскими комментариями к ним и тонкостями соблюдения еврейских традиций, но и сам откликнется на те переживания «радости и скорби», которые и составили основу жизненных исканий Выготского в процессе национально-культурного самоопределения.

2. Межкультурный диалог как способ национального самоопределения. Читая статью, поражаешься не только глубокому знанию Выготским религиозных текстов, но и современных еврейских писателей и поэтов. Однако своеобразие текста заключается в том, что здесь свободно звучат и голоса крупнейших представителей русской культуры XIX века. Естественность, с которой молодой автор цитирует М.Ю. Лермонтова, Вяч. Иванова, В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского, Ф.М. Тютчева, удивительна. «Легкое дыхание» русской культуры пронизывает всю статью. Более того, к сожалению, современный читатель порой уже не может уловить, *услышать* и распознать эти голоса. Для этого, на наш взгляд, ему нужна особая помощь, что мы и постарались сделать в своих комментариях, взяв на себя труд *культурного посредничества*.

В этой связи, представляется уместным напомнить также одну из фундаментальных идей М.М. Бахтина о том, что *культура определяет себя на границе*. В этом, пожалуй, и состоит принципиальное своеобразие Выготского, который органично существует на пересечении двух культур: еврейской и русской. Обе они любимы, обе — свои. Причем характерно, что его текст не содержит ни капли проявления *комплекса неполноценности* национального меньшинства. И в этом отношении Выготский действительно свободен в выражении своих мыслей и чувств; самоцензура отсутствует. Заметим, что это самоощущение автора органично сочетается с основной темой статьи, посвященной празднику Ханука — борьбе еврейского народа за собственную свободу и независимость. *Духовная свобода и рабство* — это основной ценностной конфликт, относительно которого строится противопоставление исторического подвига еврейского народа и его современного состояния. Острота его не может быть воспринята вне учета религиозных и художественных текстов, а также дискуссий, характерных для еврейской культурной традиции. Поэтому в своих комментариях мы по возможности старались помочь читателю учесть минимально необходимые материалы, которые неявно определяют содержательный контекст статьи.

3. Трагедия повседневности: задача на личностный смысл. Понятно, что понимание текста Выготского предполагает реконструкцию повседневности, т. е. того реального социально-экономиче-

ского контекста, который определял жизнь России в период Первой мировой войны. Переживание мировой трагедии, желание разобраться в современной социокультурной реальности и является основным побудительным мотивом для написания статьи о празднике Ханука. При этом способ, которым пользуется Выготский, предполагает два плана разворачивания проблемы. С одной стороны, понимание ситуации связано с актуализацией автором (а через него читателем) собственной национальной идентичности. Именно это и определяет своеобразие текста, поскольку здесь ставится и решается *задача на личностный смысл*. С другой стороны, постановка подобной задачи не ограничивается лишь рамками конкретной ситуации. Задача должна и может быть решена лишь с учетом взгляда на современную реальность в исторической перспективе жизни еврейского народа в России: его прошлого, настоящего и будущего. И здесь Выготский руководствуется положением Б. Спинозы *sub specie aeternitatis* (лат.) — с точки зрения вечности [14; 25].

Характерно, что подобный исторический подход выступает как принципиальный момент для рефлексии важнейших ценностных оснований собственного существования в современном мире. Действительно, что означает для меня как современного человека празднование того исторического события, которое произошло две тысячи лет назад? Такая постановка вопроса позволяет выявить различия сегодняшней мировой братоубийственной войны и освободительной войны под предводительством Маккавеев; войны как великого подвига народа. Какой смысл вкладывает современный человек в зажигаемые на Хануку свечи: простое ли это следование ритуалу или благодарение Бога за явленное чудо, вера в осуществление божественного Промысла? Что означает следование (подчинение) обстоятельствам и осуществление *свободного* действия как проявления своей воли?

Исторический взгляд и позволяет критически осмыслить реальное морально-этическое состояние народа на данном этапе; народа, который свылся с унижением собственного достоинства и утерятил собственное предназначение и цель своего исторического пути. Подчеркнем, что все эти вопросы, спустя сто лет, оказываются крайне актуальными, на наш взгляд, и для современной России: поиск религиозных и исторических оснований, определение ценностных перспектив развития, проблема патриотизма.

4. Поэтика текста: «тонкий яд». По своей стилистике тексты Выготского весьма своеобразны. Этот момент отмечался нами неоднократно, причем это касается не только его публицистики, художественной критики, но и научных работ. На это мы обращали внимание в целом ряде наших публикаций [23; 24; 25; 26; 27; 28; 29]. Характерными особенностями его текстов являются: неявные цитирования, использование фигур умолчания, внутренние повторы, оформление текста «рамкой», структурно объединяющей в единое смысловое целое начало и конец статьи и др. Но, пожалуй, самое главное — это их внутренняя диалогичность.

Не является исключением и настоящая статья. Отличительной ее особенностью, как, впрочем, и всего триптиха, является активное обращение к религиозным текстам. Причем здесь важны не столько формальные показатели, сколько функции использования подобных цитат. Их, на наш взгляд, три. Во-первых, религиозные фрагменты выступают как *эмоционально-нравственный камертон*, как та точка отсчета, относительно которой приводятся цитаты из литературных произведений, текстов, как еврейских, так и русских писателей. Иными словами, Ветхий завет является тем основанием (метатекстом), которое позволяет включить в культурный диалог деятелей как еврейской, так и русской культуры. Во-вторых, здесь мы, пожалуй, впервые сталкиваемся с ситуацией, когда Выготский «разрывает» единый религиозный текст своими собственными размышлениями и оценочными суждениями. Таким образом, на уровне микроорганизации текста собственная мысль автора помещается внутрь религиозного фрагмента как своеобразная экстерниризованная внутренняя речь (комментарий) по поводу той или иной нравственной проблемы. В-третьих, — многожанровость. На небольшом по своему размеру печатном пространстве, Выготский органично совмещает религиозный текст с различными литературными жанрами: поэзией, публицистикой, вплоть до включения фрагментов энциклопедических статей и словарных определений. Это делается не для *осовременивания* текста, а для придания ему особого объема; для перевода его в то измерение, где и разворачивается внутренняя работа по *превращению* значений в личностные смыслы.

Последнее, что важно отметить, это своеобразие авторской позиции. Именно собственный голос автора-рассказчика, его эмоционально-эстетическая реакция на современные и исторические события определяют структурную завершенность статьи. Но именно ее он (автор) и стремится замаскировать, убеждая нас (читателей) в том, что для него в первую очередь важны *мысли*, а не *настроения*. Но это — неправда. Именно *тонкий яд* авторских эмоциональных переживаний и является главным фактором воздействия на читателя, актуализируя противоречия (конфликт) морали и нравственности. Заметим, что свой личный опыт *режиссуры читательского пере-*

живания Выготский позднее и будет использовать как в театральные рецензии, так и в исследованиях по психологии искусства. В них он стремился выявить конфликт, то противоречие между различными уровнями текста, которое затем и определял как *тонкий яд*, механизм — порождающий катарсическое переживание.

5. *На пути к культурно-исторической психологии: феноменология переживания.* При чтении данной статьи можно обнаружить целый ряд тем, которые будут в дальнейшем прорабатываться Выготским в его собственно психологических исследованиях. Это и уже затронутая нами выше проблема единства аффекта и интеллекта, и проблема свободы воли, и вопросы *вершинной психологии* — сознание, идеология, моральная регуляция поведения. Для социальной психологии безусловный интерес представляют моменты, которые касаются общественной психологии; для этнопсихологии — конкретные сюжеты, связанные с соблюдением национально-культурных традиций, становлением национальной идентичности, аккультурацией. И, наконец, безусловно, эта работа важна для исследователей, занимающихся психологией личности, а также тех, кто специально изучает научную биографию Выготского.

Между тем, нам важно обратить внимание на особый талант Выготского, его удивительную способность видеть, чувствовать и понимать *проявления психологических феноменов* в реальных жизненных ситуациях, в конкретных историко-культурных контекстах. При этом центральными выступают именно те психологические феномены, которые затрагивают сферу сложных переживаний, касающихся личностной самоидентификации в пространстве культуры и истории.

Мысли и настроения¹ (Строки к Хануке²)

...Baiomim hoheim —
Bisman haze.
Из ханук. Молитвы³

Слова о Хануке звучат теперь, в наши дни как-то странно, — как, вероятно, звучит на далеком севере

¹ «Мысли и настроения» — статья опубликована за подписью «Л.С.» в еженедельнике «Новый путь» № 48—49 за 1916 год (стб. 49—52). Насколько нам известно, она не переиздавалась. Статья включена в «Полную библиографию трудов Льва Семеновича Выготского» [6]. Как мы уже упоминали, она входит в цикл, состоящий из трех статей Выготского, опубликованных им в журнале «Новый путь» [10; 12; 13]. Подробнее о журнале и работе в нем Л.С. Выготского смотри наши предыдущие публикации [24; 25; 26; 27; 28].

Условно данный цикл, поводом для которого послужили события еврейского религиозного календаря, можно обозначить как историко-религиозный триптих [28]. Добавим, что, пожалуй, впервые на содержательную связь этих трех статей и их роль в личностной самоидентификации Выготского обратил внимание А.Э. Шапиро: «... собственный “гамлетовский” вопрос молодого Выготского был связан прежде всего с экзистенциально-мировоззренческим, а не с чисто профессиональным самоопределением — не только как жить, но и зачем жить. Об этом свидетельствуют также и работы, которые были написаны Выготским одновременно с эссе о “Гамлете”, обладающие сходным с ним духовным пафосом и экзистенциальной мелодией — философские комментарии к иудейским праздникам Ханука, Песах, День 9-го ава. К сожалению, эти тексты... до сих пор не осмыслены в рамках истории психологии...» [32].

² «...Строки к Хануке» (совр. — Ханука) — название происходит от выражения «ханукотт ха-лизбеах» (ивр.) — освещение жертвенника. Ханука связана с событием освобождения Иерусалимского храма Маккавеями и его очищением.

Иерусалимский храм был захвачен греко-сирийскими войсками в 170 году до н. э. под предводительством Антиоха IV Эпифана. После захвата храм был разграблен, и Антиох отправил в Сирию священную храмовую утварь, включая знаменитую золотую Менору (золотой семистовольный светильник) — один из древних символов иудаизма. Восстание Маккавеев вспыхнуло в 167 году до н. э. под девизом: «Кто за Бога — за мной!», как протест против эллинизации. В 164 году до н. э. восставшие под предводительством Иегуды Мак-

песня о благодатном юге⁴. И точно: трудно себе представить большую внутреннюю противоположность, более глубокие несоответствия, чем те, которые существуют между настроением современности⁵ и этим праздником. Даже самая обрядовая сторона его — схематически несложная и до убогости простая⁶,

лишенная почти вовсе глубочайшего символизма религиозной плоти молитв и служений⁷, — точно вся подчинилась бескрылому духу нашего времени⁸ и утратила всякое живое напоминание о самом факте, ее породившем некогда, всякую подлинно живую связь с ним. Так оторвалась наша ежегодная ханука

кавея освободили Иерусалим и Храм, в котором на три года была прервана храмовая служба и осквернен жертвенник. Для очищения Храма не могли найти не оскверненное «чистое» масло для светильника, а нашли лишь один небольшой запечатанный кувшин, масла которого могло хватить лишь на один день. Но произошло чудо — этого масла оказалось достаточно на все восемь дней, необходимых для совершения ритуального очищения Храма.

Следует отметить, что смысл и значение праздника Ханука в еврейской традиции менялись. Изначально Ханука воспринималась как праздник победы еврейского народа над захватчиками. Впоследствии Ханука стала в большей степени напоминать о чуде с ритуальным маслом — символом победы *слабых над сильными; чистых над не чистыми*. Эти два смысла праздника и обсуждает Выготский в контексте современных ему событий.

³ «...*Baiotim hoheim — Bisman haze. Из ханук. Молитвы*» — Ханукальная молитва содержит три благословения.

Благословен Ты, Г-сподь, Б-г наш, Владыка Вселенной, освятивший нас своими заповедями и повелевший нам зажигать ханукальную свечу!

Благословен Ты, Г-сподь, Б-г наш, Владыка Вселенной, явивший чудеса отцам нашим в те времена, в эти дни (года)!

Благословен Ты, Г-сподь, Б-г наш, Владыка Вселенной, даровавший нам жизнь, и поддерживавший ее в нас, и давший нам дожить до этого времени!

Третье благословение — «давший нам дожить...» — произносят только, когда зажигают светильники в первый раз в течение праздника — либо в первый день его, либо во второй, третий и т. д., если что-либо помешало зажечь их раньше — и больше не повторяют.

⁴ «...*как, вероятно, звучит на далеком севере песня о благодатном юге*» — можно предположить, что эти строки навеяны ассоциацией со стихотворением М.Ю. Лермонтова «Сосна» (1841):

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна, на утесе горячем
Прекрасная пальма растет [20].

Наше предположение связано с тем, что незадолго до этой статьи о Хануке Выготским в том же еженедельнике «Новый путь» (1916 № 28) была опубликована большая статья, посвященная 75-летию со дня смерти Лермонтова, где он подробно анализирует лирику Лермонтова, характеризую ее как «жажду высокой песни» [11].

⁵ «...*настроением современности*» — в общем контексте настоящей статьи, здесь, в первую очередь, необходимо учитывать ситуацию военных событий Первой мировой войны. Заметим, что Выготский фиксирует именно эмоциональный *разрыв* в переживании исторических и современных событий; по сути это и есть основной *смысловой конфликт*, который обсуждается им в статье.

⁶ «...*обрядовая сторона его — схематически несложная и до убогости простая*» — праздник Ханука отмечается в течении восьми дней, что соответствует количеству дней, которые потребовались для очищения Храма после его осквернения иноверцами. Отметим лишь некоторые основные ритуальные моменты. Обряд включает чтение специально отобранных псалмов Давида, ханукальных благословений (см. коммент. 2) и строится вокруг ритуала зажигания свечей. Ханукальные светильники зажигают после появления первых звезд. В первый праздничный вечер зажигают один светильник, во второй — два и так далее, так что в восьмой вечер зажигают восемь светильников. Каждый день прибавляют по светильнику слева и начинают зажигать огни с него, т. е. слева направо.

Подобный порядок установлен, чтобы напомнить, что каждый новый светильник драгоценнее предыдущего, ибо напоминает о чуде Хануки, ставившемся все более явным и значительным с каждым днем. В первый вечер, прежде чем зажечь светильники, произносят три благословения (см. коммент. 2). Светильники должны гореть не меньше получаса после появления звезд.

Во время зажигания светильников все домочадцы должны собраться вместе, ибо заповедь требует именно огласки, прославления чуда. Главный обычай Хануки — воспитание (как детей, так и всего народа). Его задача — добиться того, чтобы евреи не забывали о милости, оказанной им Всевышним, прославляли Его и исполняли Его заповеди.

⁷ «...*глубочайшего символизма религиозной плоти молитв и служений*» — в качестве примера, подтверждающего символические особенности религиозной молитвы можно сослаться на главную еврейскую молитву «Шма Израэль» («Слушай, Израиль»), которая содержит следующие строки:

«Господь — Бог наш, Господь один! Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем своим, и всей душою своею, и всем существом своим, и будут эти слова, которые я заповедал тебе сегодня, в сердце твоём, и повторяй их детям твоим, и произноси их, сидя в доме своем, находясь в дороге, ложась и вставая; и повяжи их как знак на руку твою, и будут они знаками над глазами твоими, и напиши их на дверных косяках дома своего и на воротах своих».

В этой связи важно обратить внимание не только на символические моменты, содержащиеся в молитве, которые мы выделили курсивом, но и на то, что сама молитва «Шма Израэль», приведенная здесь нами, в дальнейшем будет использована в этой статье Выготским, когда он обратится к описанию ситуации убийства на фронте евреем-солдатом еврея из армии противника (см. коммент. 24). Добавим, что значение религиозной молитвы, как особой темы данной статьи, подчеркивается также строками из Ханукальной молитвы, которая используется в качестве эпиграфа к статье (см. коммент. 3).

Стоит подчеркнуть, что в этот период для Выготского само осмысление значения молитвы, как особого психологического состояния и переживания, имеет крайне важное значение. Так, в предыдущей своей статье из этого цикла — «9-е ава» [10] — он также обращается к особенностям молитвенного переживания [4; 21; 28]. Добавим, что и более ранний знаменитый этюд Выготского о Гамлете заканчивается темой религиозного переживания: «Здесь искусство кончилось, началась религия» [9].

⁸ «...*бескрылому духу нашего времени*» — возможно, здесь имеется ввиду неявная отсылка к стихотворению В.С. Соловьева: «Бескрылый дух, землею полоненный» (1883).

от той единственной и неповторимой, величественной Хануки, что огнем освящения зажгла некогда величайший свет во Израиле⁹.

Желтые, скорбные свечки, тонкие, плачущие и быстро тающие с пламенем тусклым, неярким и почти темным, *эти* свечи зажжены в воспоминание нечеловеческой мощи Маккавеев¹⁰, эти нищие палочки воска и высочайший подвиг целого народа — подлинно, это оказывается глубочайшей иронией и обрядом пародии¹¹. И в память гордых, слишком гордых для человеческого уха, почти для него невыносимых слов: — «для чего нам еще жить?... Ибо лучше нам умереть в сражении, нежели видеть бедствия нашего народа»¹², — звучат рабы, заунывно-тягучие, однотонно покорные: «schehechionu, wekiimonu wehigionu»... — ... что дал нам дожить, и дал достичь и сохранить существование наше до сего времени¹³.

Бескрылый дух, землю полоненный,
Себя забывший и забытый бог..
Один лишь сон — и снова, окрыленный,
Ты мчишься ввысь от суетных тревог.

Неясный луч знакомого блистанья,
Чуть слышный отзвук песни неземной, —
И прежний мир в немеркнущем сиянье
Встает опять пред чуткою душой.

Один лишь сон — и в тяжком пробужденье
Ты будешь ждать с томительной тоской
Вновь отблеска нездешнего виденья,
Вновь отзвука гармонии святой [31].

⁹ «...величайший свет во Израиле» — Выготский подчеркивает символическое значение праздника Ханука: чудо освещения Храма в течении восьми дней одним маленьким сосудом *не оскверненного* лампадного масла означает победу света над тьмой. Помимо этого, возможно, здесь имеется в виду неявная отсылка к комментариям Талмуда «Свет Израиля» (Ор Исраэль), составленным Рабби Исраэль Салантером (1810–1883). Это одна из основополагающих работ, в которой излагается этическая система религиозного еврейского учения Мусар [5].

Само это учение направлено на самоактуализацию возможностей человека найти в себе силы для постижения истинной реальности, а также преодоления дурных побуждений, влекущих к греху. Учение направлено на определение истинных жизненных целей по преобразованию окружающей действительности, превращению ее в возвышенную и утонченную. Подобная ценностная ориентация предполагает использование особых методов духовной работы, которые и содержатся в учении Мусар.

¹⁰ «...воспоминание нечеловеческой мощи Маккавеев» — коллективное имя лидеров национально-религиозного восстания, начавшегося в 167 г. до н. э. против царя Селевкидской Сирии Антиоха IV Эпифана, запретившего под угрозой смертной казни исполнение законов Торы (подробнее см. коммент. 2). Маккавейская династия правила Иудеей почти 120 лет (с 152 по 37 г. до н. э.).

¹¹ «...оказывается глубочайшей иронией и обрядом пародии» — использование в данном тексте терминов ирония и пародия требует уточнений для понимания смысла оценочного суждения Выготского по поводу современной ситуации празднования Хануки. Поскольку в основе пародии лежит *намеренное повторение уникальных черт* уже известного события (произведения), то можно предположить, что здесь Выготский имеет в виду именно то нарушение единства *стиля и содержания исторического события*, которое снижает героический пафос переживания восстания Маккавеев. В сочетании же с термином *ирония*, который предполагает в частности такие коннотации, как притворство и насмешка, можно сделать вывод о том, что в своей оценке Выготский подчеркивает *психологическую отстраненность* (отчуждение) современного человека от национально-культурной традиции (выключенность из исторического события). Более того, заметим, что ирония предполагает и особый тип рефлексии, — критической обращенности не только на другого, но и на себя.

¹² «...для чего нам еще жить?... видеть бедствия нашего народа» — цитата взята из Первой Маккавейской книги (Библия, 1 Мак. 3:59).

¹³ «...“schehechionu, wekiimonu wehigionu”... — ... до сего времени» — слова и перевод с иврита традиционного ханукального благословения, произносимого при зажигании свечей на важнейших иудейских праздниках (см. подробнее коммент. 3 и 6).

¹⁴ «... только слова, слова, слова» — ответ Гамлета на вопрос Полония: «что вы читаете, Принц?» Иносказательно эта фраза используется для обозначения велеличивости, многословия, пустых обещаний.

¹⁵ «...живой пес лучше мертвого льва» — слегка измененная фраза из Екклесиаста: «Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву» (Библия, Еккл. 9:4). Следует добавить, что особый интерес к Екклесиасту возник у Выготского еще в раннем юношеском возрасте. Так, в архиве семьи Выготского хранится тетрадь, датированная 1912 годом, где содержится конспект его доклада «Трагикомедия исканий», который посвящен разбору Екклесиаста.

¹⁶ «... не два ли это противоположных полюса еврейской истории» — скорее всего под полюсами еврейской истории здесь имеются в виду *Траур 9-го ава* и *праздник Хануки*. Трауру 9 ава, который связан с разрушением Первого и Второго Иерусалимских Храмов, а также другим трагическим событиям этого дня, была посвящена статья Выготского из данного цикла, опубликованная в еженедельнике «Новый путь» [10]. Подробнее эта тема обсуждается в журнале «Культурно-историческая психология» [28]. Возможно также, что под *полюсами* имеются в виду историческое событие и современность.

¹⁷ «...крайние ее точки, определяют положение ее оси, ее наклон — т. е. все ее движение, ее соотношение с остальным миром» — данный фрагмент является попыткой представить образно-графически еврейскую историю, которая колеблется относительно двух полюсов: мощнейшего поражения (9-го ава) и величайшей победы (Ханука). Заметим, что эти полюса определяют масштаб тех *родовых* пере-

Видимо, и внешне мы празднуем вот уже третий раз хануко в подходящей обстановке.

Праздник военной победы, торжества еврейского оружия, какой вообще необыкновенный праздник — *upisum!* но и он воспринят ведь под привычным углом зрения¹⁸: не свой подвиг, не свою победу, проявление не своей воли, торжество не своей силы, не момент установления независимости и окончательного военного успеха отметило еврейство, а момент освящения храма, первой молитвы тому, кто творил чудеса отцам нашим, кого смущенно благодарят за явленное им.

«А какая будет воля на небе, так да сотворит!»¹⁹ — недаром эти слова идут вслед за прежними. Здесь уже намечается уклон еврейской истории, которой, может быть — как знать? — привел от тех дней к этому времени; и там, где нам виделся сияющий разрыв противоположности, намечается путь уклончивый, но связанный и неразрывный. И тогдашним событиям навязываем мы свой взгляд, и в них открываем не свою волю.

Этот праздник встречаем мы с душой, прикованной к полям брани, с оружием в руках. И словно гордая слава Маккавеев озаряет еврейских воинов теперь: на эту тему, кажется, не одна была произнесена проповедь раввинами, кажется западными. Но внешняя и видимая сходная обстановка только еще резче выявляет и оттеняет ту непереходимую грань, непереступаемую черту внутренней противоположности, которая разделяет оба момента.

В самом деле, ведь даже на масштаб мировой истории это было событие необыкновенное, подлинно героическая страница, высочайший подвиг самоосвобождения. Если есть что-либо человечески-священное, — так это подобные подвиги. Смысл войны за освобождение народа, восстания под знаменем свободы гордых духом²⁰ против поработителей и угнетателей столь же прост и понятен современному сознанию, сколь человечески высок. Эти страницы в истории считает человечество самыми прекрасными из всех кровавых.

Не столь прост и не столь прекрасен, как можно догадываться, смысл совершающегося ныне. Со стремительной быстротой разбились события достаточно прямолинейные и шаткие идеологические надстройки наивной общественной мысли. Не выдержали они катастрофических толчков современности и обрушились, похоронив под своими обломками всякий «смысл», который мы могли бы извне вложить в эти события. Разумеется, здесь не место этот смысл хоть отдаленно намечать, даже общими чертами обрисовывать, да и не о «смысле» в плане общественном или политическом идет здесь речь.

Смысл темен; начинает даже казаться иным, что он вовсе и безвозвратно утерян, что творится какая-то путанная, кошмарная бессмыслица, «диаволов водевиль»²¹. Опять вскрылась и обнажилась в боли и ужасе сущность еврейской истории: ее внутренняя

живаний, которые хранятся в национальной памяти еврейского народа и отмечаются относительно оси исторического времени. В разные моменты, в конкретной исторической ситуации, для каждого поколения актуализируется соответствующий комплекс переживаний, определяющих *горизонт видения будущего* в модальности оптимизм/пессимизм.

Интересно, что практически в это же время Курт Левин определяет психологическое своеобразие видения *горизонта* в своей работе, посвященной анализу восприятия военного ландшафта [19].

Стоит добавить, что в работах Выготского почти не используются графические схемы, хотя для него они имеют важное значение, как способ обобщения (точнее — зрительные метафоры) для систематизации базовых положений. В качестве примера сошлемся на его образ движения мысли относительно параллелограмма двух сил: «... задача психолога как раз состоит в том, чтобы суметь проследить этот процесс и суметь найти сложную структуру личности и ее мышления, в которую включена ясно усвоенная мысль. Подробно тому, как мяч, брошенный на палубе парохода, движется по диагонали параллелограмма двух сил, так мысль, усвоенная в эту пору, движется по диагонали какого-то сложного параллелограмма, отражающего две различные силы, две различные системы движения» [7].

¹⁸ «Праздник военной победы, торжества еврейского оружия...под привычным углом зрения...» — Мировая война, в которую вступила Россия, вызвала огромный патриотический подъем среди еврейского населения. Была мобилизована почти 600 тысяч евреев. Многие шли на фронт добровольно (как правило, выпускники гимназий и университетов). Процент евреев в армии был выше, чем в составе населения России. Более трех тысяч еврейских солдат было награждено георгиевскими крестами; 40 — были кавалерами полного банта (4 креста). В ходе военных операций погибло сто тысяч евреев.

В первом номере газеты «Война и евреи» (1914) была опубликована статья князя П.Д. Долгорукова, который писал: «Сотни тысяч евреев проливают кровь за великую Россию, между тем они лишены прав, которых ни один из русских подданных не может лишиться иначе, как по суду за преступление». В то же время ответы большинства генералов на анкету «Перечень вопросов о служебных и нравственных качествах нижних чинов иудейского происхождения» показали, что, по их мнению, доступ евреев в офицерский корпус должен быть исключен [18].

¹⁹ «А какая будет воля на небе, так да сотворит!» — фраза взята из Первой Маккавейской книги (Библия, 1 Мак. 3:60). Заметим, что здесь Выготский, возвращает читателя вновь к книге Маккавеев, которую он цитировал выше (см. коммент. 12), где приводит, буквально, предыдущий фрагмент (Библия, 1 Мак. 3:59). Здесь мы сталкиваемся с характерным для поэтики текстов Выготского приемом «закольцовывания», когда его собственное рассуждение «обрамляется» цитатами из Библии в качестве метатекста.

²⁰ «...свободы гордых духом» — данное определение для исторических событий прошлого стоит сопоставить с ранее приведенным в статье определением «бескрылого духа» *нашего* времени, а также со стихотворением В.С. Соловьева (см. коммент. 8). Подобное противопоставление определяет особый глубинный смысловой конфликт, определяющий направленность данного текста: *духовность — бездуховность*.

²¹ «...диаволов водевиль» — эта заковычанная фраза отсылает к роману Ф.М. Достоевского «Бесы» (1870–1872). Она принадлежит инженеру Алексею Ниловичу Кириллову — одному из центральных персонажей романа. Расширим цитату, обозначив тот контекст, в котором эта фраза была произнесена. За несколько минут до самоубийства, как акта проявления «своей воли», как бы подтверждающей отсутствие Христа, Кириллов, зажигая лампадки перед образом Спасителя, говорит: «... этот человек был высший на всей земле, составлял то, чем ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека — одно сумасшествие... А если так, если законы природы не пожалели и Этого, даже чудо свое не пожалели, а заставили и его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты ложь и диаволов водевиль» [15]. Таким образом, учитывая контекст романа, можно предположить, что современная ситуация несамостоятельности еврейской жизни («несвоеволия») противопоставляется Выготским прошлым событиям еврейской истории, именно как потеря телеологических ориентиров национального развития.

Добавим, что, насколько нам известно, мы здесь сталкиваемся с практически единственным случаем цитирования Выготским романа «Бесы».

неавтономность, «несвоеволие», несамозаконность: опять еврейская история — «делается», «творится» — «*fio, ergo non sum*»²². И с еще большим правом, чем в те дни, вопрошает поэт: «Сыны, мои сыны! Чьи ска-

жут нам уста: за что, за что, за что над вами смерть нависла? Зачем, во имя чье вы пали? Смерть без смысла, как жизнь, как ваша жизнь без смысла прожита²³». Кто вложил в руки меч, кто вывел на брань?

²² «...опять еврейская история — «делается», «творится» — «*fio, ergo non sum*» — это крылатое выражение (лат.): «становлюсь, значит не есть». Заметим, что это известное латинское выражение взято в качестве названия Вячеславом Ивановым к своему стихотворению (1904), посвященному трагическому описанию утери смысла:

Fio, ergo non sum

Жизнь — истома и метанье,
Жизнь — витанье
Тени бедной
Над плитой забытых рун;
В глубине ночных лагун
Отблеск бледный,
Трепетанье
Бликов белых,
Струйных лун;
Жизнь — полночное роптанье,
Жизнь — шептанье
Онемелых, чутких струн...

Погребенного восстанье
Кто содеет
Ясным зовом?
Кто владеет
Властным словом?
Где я? Где я?
По себе я
Возалкал!

Я — на дне своих зеркал.
Я — пред ликом чародея
Ряд встающих двойников,
Бег предлунных облаков [16].

Приведенная Выготским латинская фраза подчеркивает, что современная социокультурная ситуация не может рассматриваться как устоявшаяся, — она изменчива и неоднозначна.

²³ «Сыны, мои сыны! ... как ваша жизнь без смысла прожита» — цитата из поэмы «Сказание о погроме» одного из крупнейших еврейских поэтов Хаима Нахмана Бялика (1873—1934). Стихотворение датировано 1904 годом, перевод на русский язык В.Е. Жаботинского. Для понимания своеобразия тех эмоциональных переживаний, которые имеет в виду Выготский, расширим цитату.

...Встань, и пройди по городу резни,
И тронь своей рукой, и закрепи во взорах
Присохший на стволах и камнях и заборах
Остылый мозг и кровь комками; то — они.
Пройди к развалинам, к зияющим проломам,
К стенам и очагам, разбитым словно громом...
И греет солнышко, и, скорбь твою дразня.
Осколки битого стекла горят алмазом —
Все сразу Бог послал, все пировали разом:
И солнце, и весна, и красная резня!...
И загляни ты в погреб ледяной,
Где весь табун, во тьме сырого свода,
Позорил жен из твоего народа —
По семеро, по семеро с одной.
Над дочерью свершалось семь насильий,
И рядом мать хрипела под скотом:
Бесчестили пред тем, как их убили,
И в самый миг убийства... и потом.
И посмотри туда: за тою бочкой,
И здесь, и там, зарывшись в сору,
Смотрел отец на то, что было с дочкой,
И сын на мать, и братья на сестру,
И видели, выглядывая в щели,
Как корчились тела невест и жен,
И спорили враги, делясь, о теле,
Как делят хлеб, — и крикнуть не посмели,
И не сошли с ума, не поседели
И глаз себе не выкололи вон
И за себя молили Адоная!...

Все газеты обошло в первый год войны сообщение о случае с двумя евреями — австрийским и русским²⁴: один заколол другого, но, услышав от умиравшего «Шма Израэль» — впал сам в безумие²⁵.

Если бы этого факта не было, его следовало бы выдумать²⁶, — так знаменателен и символичен он для наших дней. Начинает казаться, что единственный выход из трагической бессмысленности — смерть или безумие²⁷. И теперь — в эпоху глубочайшего декаданса²⁸ еврейского народного сознания — поют похоронные песни и в безволии видят знак гибели: «Так истлел мой народ, стал, как жалкая пыль; обнищал и

иссох и рассыпался в гниль... Так погиб мой народ... срама жаждет он сам. Нет опоры стопе, нет мерила делам. Сбились люди с пути, утомившись бродить, и в скитаниях веков затерялась нить»²⁹. И недаром тот же поэт, как в наиболее яркой противоположности гибнущим, обращается к Маккавеям: «те, чей предок был Иегуда Лев Маккавей»³⁰. И в беспросветности отчаяния рождается старый смысл — старый стих Иегуды Галеви³¹: «Победит ли Измаил, Эдом ли возьмет верх, — мой жребий один: страдать»³².

Не чудо ли хануки совершается и ныне? Тогда без елея горели лампы, и теперь тот же поэт бичует на-

*Сыны мои, сыны! Чьи скажут нам уста,
За что, за что, за что над вами смерть нависла,
Зачем, во имя чье вы пали? Смерть без смысла,
Как жизнь — как ваша жизнь без смысла прожита... [3].*

Трагизм ситуации, переживание не столько бессилия, сколько стыда за трусость своих соплеменников характеризует общее эмоциональное состояние; вот основная тема, определяющая восприятие современных событий.

²⁴ «...сообщение о случае с двумя евреями — австрийским и русским» — Выготский ссылается на довольно известный случай периода Первой мировой войны.

Стоит добавить, что в одной из его рукописных тетрадей находится вклеенная вырезка под названием «Брат на брата» из газеты «Русское слово». На эту вырезку, в частности, указывают в своей книге Е.Ю. Завершнева и Р. Ван дер Веер:

«В одном из последних боев на реке Санае еврей-солдат штыковым ударом сразил австрийского стрелка и сам тотчас же был ранен. Когда его привели в лазарет, он отказался выйти из вагона. Сестер милосердия и врача просил его не трогать, отмалчиваясь на все вопросы. Пригласили раввина, и ему умирающий рассказал: "Когда я ударил штыком в грудь противника, тот, падая, крикнул: "Шма Израэль!" ("Слушай, Израиль!)", — слова, произносимые евреями перед смертью или в мгновения страшной опасности. Я тогда же решил, что хотя я дрался по долгу и воинской совести, но жить больше не могу» [17, с. 43].

²⁵ «...впал сам в безумие» — в тетради, хранящейся в архиве Выготского дается более развернутый комментарий: «В этом символе-факте выявились все стороны еврейской истории, которые, как в фокусе, преломились в нем и горят в озарении великих событий. Два еврея ("кто говорит <Шма Израэль>, тот еврей" — утверждает Талмуд; да и в безумии одного [из них] и в этой боли видно, что оба евреи — здесь еврейство живет в боли) — в неразрешимом трагизме, как слепые орудия темных сил — один убит, другой впал в безумие — и из гроба, из безумия (из-за границ обычного) возглашают смысл трагической бессмысленности. Дело в том, что "Слушай, Израиль!" имеет особый смысл: [имени] Иегова евреи не произносят, Он непостижим, но по отношению к Израилю это Адонаи — особая религиозная форма, собственное имя от «Господин». Его волю творил Акиба, с этими словами [погибали и] умерший, и все мученики; Его волю творили оба [солдата] в бессилии и безволии, убивая друг друга. Ведь в подобные минуты — смерти и потери рассудка — являются неземные озарения, и оттуда, из-за гроба, из-за безумия, из "того мира", несется рыдающее возгласие смысла этих событий, смысла еврейской истории, претворяющее ее в "диаволов водевил", в Божественную Трагедию: "Шма Израэль Адонаи Элогенну Адонаи Эход!"» [17, с. 43].

²⁶ «...Если бы этого факта не было, его следовало бы выдумать» — измененная крылатая фраза Вольтера «Если бы Бога (факта) не существовало (не было), его следовало бы изобрести (выдумать)».

²⁷ «...смерть или безумие» — см. более подробную интерпретацию Выготским этой фразы в приведенном выше комментарии 25.

²⁸ «...в эпоху глубочайшего декаданса» — французское слово *décadence* обозначает упадок, культурный регресс.

²⁹ «Так истлел мой народ ...и в скитаниях веков затерялась нить» — строки из стихотворения Х.Н. Бялика «Как сухая трава, как поверженный дуб...» (1897) [3].

³⁰ «...те, чей предок был Иегуда Лев Маккавей» — строки из поэмы Х.Н. Бялика «Сказание о погроме (1904):

«Там прятались сыны твоих отцов,
Потомки тех, чей прадед был Иегуда,
Лев Маккавей, — средь мерзости свиной,
В грязи клоак с отбросами сидели...» [3].

³¹ «Иегуда Галеви» — один из знаменитейших средневековых философов и поэтов (ок. 1075—1140).

В переселении евреев в Эрец-Израэль Галеви видел проявление божественной воли, подчинение которой есть истинная свобода и избавление от рабства в галуте. На наш взгляд, Выготский не случайно в своем тексте одновременно цитирует Бялика и Галеви. Дело в том, что незадолго до этого в 1915 году на смысловую близость двух поэтов в своей статье обратил внимание известный литературный критик М.О. Гершензон: «Есть певучесть в последней скорби, и безутешное рыдание всегда певуче; есть острая жизненность на дне скорбей. Вот в Бялике уже запела, впервые после Иегуды Галеви, душа еврейского народа, песнь нездешняя, песнь ангельски-земная! Не предвещает ли она возрождение еврейской души? Или правда то, что только почва Палестины может родить еврейству новый творческий миф?» [33].

³² «Победит ли Измаил, Эдом ли возьмет верх, — мой жребий один: страдать...» — Выготский приводит строки из стихотворения И. Галеви:

...Нигде, ни к Востоку, ни к Западу,
пристанца не сыскать,
Где обрели б мы покой
и радость смогли вкушать.
Эдом ли одержит верх
иль Измаилова рать,
Мой жребий всегда один —
Творца молить и страдать.

Эдом (красный) — прозвище библейского Исава (Быт. 25:24—34) — в средние века использовалось как обобщенное название христианских народов. Измаил — образное наименование арабских народов, происходящих, по преданию, от библейского Измаила — сына

род свой: «так курится фитиль, когда елей иссяк»³³. И ждут гибели — те, что не верят в горение без елея, в существование без залоговой земной необходимости его³⁴. Но как тогда в дни Маккавеев прозревали не свою волю в тех событиях, так подобно этому не улучается ли через прозрачную среду безволия — иная воля, может быть та самая воля, что была в дни подвигов народных и не умерла до сих пор.

Ведь исторический Праздник — просто освященная годовщина известного исторического события, переживаемая народом исторически. Параллель: *так* еврейство наших дней переживает *те* события; и если между этими *так* и *те* разрыв противоположности, то ведь вырыли его долгие годы, год за годом; непрерывной, не обрывающейся ни на одно звено, ни на один год цепью связаны наши дни с тем временем. И путь превращения того великого освящения в наш темный праздник не отражает ли в себе путь еврейской истории. А этот

путь мы давно приняли: «Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим» (Иереем. 10, ст. 23).

... Таковы некоторые мысли, отрывочные и разрозненные.

А настроения: о них, пожалуй, и не стоит вовсе³⁵.

Скудное и нищее пламя льет жалкий свет и не освещает ни темных глубин прошлого, ни загадочных далей будущего, ни порогов современности. При их странном отсвете только яснее разве увидишь собственную слепоту³⁶. Настроение при ханукальных свечах — все знают, что это за настроение: темное, печальное — еврейское настроение нищей радости.

Я бы сказал еще только: это какое-то приятие скорби, ее претворение в одно целое с прошлой радостью и прошлой скорбью.

Л.С.

Литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Художественная литература, 1979. 412 с.
2. Библия. Книги Священного писания, Ветхого и Нового Завета (канонические). Москва: Рос. библ. Общ, 2012. 1248 с.
3. Бялик Х.Н. Стихи и поэмы. Тель-Авив: ДВИР, 1964. 144 с.
4. Василюк Ф.Е. Молитва — молчание — психотерапия // Московск. психотерап. журнал. 1996. № 4. С. 141—145.
5. Вихнович В.Л. Иудаизм. СПб.: Питер, 2006. 224 с.
6. Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М. Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Мысл, 1996. 424 с.
7. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
8. Выготский Л.С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

References

1. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1979, 412 p.
2. Bibliya [The Bible]. Knigi Svyashchennogo pisaniya, Vetkhogo i Novogo Zaveta (kanonicheskie) [Books of the Holy Scriptures, Old and New Testament (canonical)]. Moscow: Rosiyskoe bibliograficheskoe obschestvo, 2012, 1248 p.
3. Byalik Kh.N. Stikhi i poetry [Poems]. Tel'-Aviv: DVIR, 1964, 144 p.
4. Vasilyuk F.E. Molitva — molchanie — psikhoterapiya [Prayer — silence — psychotherapy]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal* [Moscow psychotherapeutic magazine], 1996, no. 4. pp. 141—145.
5. Vikhnovich V.L. Iudaizm [Judaism]. Sankt Peterburg: Piter, 2006, 224 p.
6. Vygotskaya G.L., Lifanova T.M. Lev Semenovich Vygotskii. Zhizn'. Deyatel'nost'. Shtrikhi k portretu [Lev

патриарха Авраама (Библия, Быт. 25:12—18). Таким образом, противопоставление Эдом и Измаил выражает противопоставление христианства и мусульманства иудаизму.

³³ «...так курится фитиль, когда елей иссяк» — строки из цитируемой выше поэмы Х.Н. Бялика «Сказание о погроме»:

...Без сердца, вялые, усталые от плача:
Так курится фитиль, когда елей иссяк,
Так тащится без ног заезженная кляча... [3].

³⁴ «...что не верят в горение без елея, в существование без залоговой земной необходимости его» — здесь Выготский еще раз подчеркивает второе, и главное, значение праздника Хануки, которое связано с проявлением чуда для тех, кто безусловно верит во Всевышнего.

³⁵ «...А настроения: о них, пожалуй, и не стоит вовсе» — эта фраза, на наш взгляд, высказана Выготским с известной долей иронии. Действительно, на протяжении всей статьи он и пишет именно о настроении, противопоставляя: *радость* и *скорбь*, *веру* и *неверие*, *трусость* и *героизм*. Настроение это передается в цитированиях и отсылках к Ветхому Завету, Ханукальной молитве, стихотворениям М.Ю. Лермонтова, В.С. Соловьева, Х.Н. Бялика, И. Галеви. Именно поэтому мы и попытались полнее представить в своих комментариях стихи, фрагменты которых цитирует Выготский. Корпус этих текстов и задает то настроение, тот эмоциональный фон, на котором разворачиваются размышления автора статьи.

³⁶ «... увидишь собственную слепоту» — на первый взгляд это явный оксюморон, поскольку увидеть собственную слепоту невозможно; это логическая ошибка. Вместе с тем, можно предположить, что здесь Выготский рассчитывает на возникновение у читателя двух наиболее вероятных ассоциаций. Одна из них — Эдип ослепляет себя в наказание за то, что не видел очевидных вещей. Ослепнув же, он постигает их суть.

Другая — связана с известным мифом Платона «О пещере». Так, находясь в пещере, мы видим только тени настоящих вещей. Выйдя же наружу, мы начинаем видеть реальные вещи. При этом правомерен вопрос: что же произойдет, если мы вернемся в пещеру и попытаемся рассказать ее обитателям о реальных вещах? Постараемся убедить их *увидеть собственную слепоту*. Таким образом, праздник Хануки, *свет от ее свечей* позволяет нам увидеть собственное несовершенство в исторической перспективе. И здесь мы сталкиваемся с важным для Выготского принципом рассмотрения явлений Бенедикта Спинозы: *sub specie aeternitatis* — т. е. с точки зрения вечности [подробнее см. коммент. 14, 25]. Именно это он и обсуждает в своей предыдущей статье данного историко-религиозного цикла.

9. *Выготский Л.С.* Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. Драматургия и театр. М.: Левь, 2016. с. 752.
10. *Выготский Л.С.* Траурные строки (День 9 ава) // Новый путь. 1916. № 27.
11. *Выготский Л.С.* М.Ю. Лермонтов // Новый путь. 1916. № 28.
12. *Выготский Л.С.* Мысли и настроения // Новый путь. 1916. № 48–49.
13. *Выготский Л.С.* Avodim hoinu // Новый путь. 1917. № 11–12.
14. *Выготский Л.С.* Л.О. Гордон (К 25-летию со дня смерти) // Новый путь. 1917. № 30.
15. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 15 т. Т. 7. Бесы. Л.: Наука, 1990. 848 с.
16. *Иванов Вяч.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Скорпион, 1904. 740 с.
17. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное / Под общ. ред. Е.Ю. Завершневой, Р. ван дер Веера. М.: Канон +, 2017. 608 с.
18. *Киперман Семен.* Под двуглавым орлом и магендавидом [Электронный ресурс] // сайт «IL Territory». URL: <http://ilterritory.com/2014/05/03/mageneagle/> (дата обращения: 20.08.2017).
19. *Левин К.* Военный ландшафт // Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. С. 87–93.
20. *Лермонтов М.Ю.* Сочинения: в 6 т. Т. 1. Стихотворения, 1828–1831. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 452 с.
21. *Пергаменичик Л.А.* Лев Семенович Выготский: в поисках центральной идеи новой психологии // Диалог. 2016. № 2. С. 5–12.
22. *Собкин В.С.* Вступительная статья. Л.С. Выготский: абрис социокультурного контекста // Выготский Л.С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 1. Драматургия и театр. Москва: Левь, 2016. 752 с.
23. *Собкин В.С.* К исследованию поэтики текстов Л.С. Выготского // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология. М., 1981. С. 143–145.
24. *Собкин В.С., Климова Т.А.* Комментарий к неизвестному репортажу Л.С. Выготского: впечатления о Февральской революции // Вопросы психологии. 2016 (а). № 5. С. 88–101.
25. *Собкин В.С., Климова Т.А.* Комментарий к неизвестному фелетону Л.С. Выготского // Вопросы психологии [в печати].
26. *Собкин В.С., Климова Т.А.* Лев Выготский между двух революций: к вопросу о политическом самоопределении ученого // Национальный психологический журнал. 2016 (в). № 3 (23). С. 20–31. doi: 10.11621/prj.2016.0303
27. *Собкин В.С., Климова Т.А.* Неизвестный Выготский: об опыте перевода с древнееврейского // Вопросы психологии. 2016 (б). № 4. С. 76–95.
28. *Собкин В.С., Климова Т.А.* «Траурные строки»: к вопросу о национально-культурном самоопределении Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2017. № 2. С. 4–12. doi: 10.17759/chp.2017.130201
29. *Собкин В.С., Леонтьев Д.А.* Психология искусства и психологическая методология в ранних работах Л.С. Выготского // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1994. № 4. С. 35–44.
30. *Собкин В.С., Мазанова В.С.* Комментарий к «Театральным заметкам» Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2014 (б). № 3. С. 82–96.
31. *Соловьев В.С.* Стихотворения и переводы // В.С. Соловьев. Избранное. СПб.: Диамант, 1998. 448 с.
- Seменовich Vygotsky. A life. Activity. Strokes to the portrait]. Moscow: Smysl, 1996, 424 p.
7. Vygotskii L.S. Sbranie soch. v 6 t., T. 4 [Collected Works: in 6 v. Vol. 4]. Moscow: Pedagogika, 1984, 432 p.
8. Vygotskii L.S. Myshlenie i rech' [Thinking and speaking]. Edition 5, Moscow: Labirint, 1999. 352 p.
9. Vygotskii L.S. Polnoe sobranie sochinenii. V 16 t. T. 1. Dramaturgiya i teatr [Collected Works: in 16 v. Vol. 1. Dramaturgy and theater]. Moscow: Lev", 2016. 752 p.
10. Vygotskii L.S. Traurnye stroki (Den' 9 ava). *Novyi put'* [New Way], 1916, no 27.
11. Vygotskii L.S. M.Yu. Lermontov. *Novyi put'* [New Way], 1916, no. 28.
12. Vygotskii L.S. Mysli i nastroeniya [Thoughts and moods]. *Novyi put'* [New Way], 1916, no. 48-49.
13. Vygotskii L.S. Avodim hoinu. *Novyi put'* [New Way], 1917, no. 11–12.
14. Vygotskii L.S. L.O. Gordon (K 25-letiyu so dnya smerti). *Novyi put'* [New Way], 1917, no. 30.
15. Dostoevskii F.M. Sbranie sochinenii. V 15 t. T. 7. [Collected Works: in 15 v. Vol. 7]. *Besy* [The demons]. Leningrad: Nauka, 1990. 848 p.
16. Ivanov Vyach. Sbranie sochinenii v 4 t. Tom 1. [Collected Works: in 4 v. Vol. 1]. Moscow: Skorpiion, 1904. 740 p.
17. *Zavershneva E.Yu., R. van der Veer (eds.)* Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe [Notebooks L.S. Vygotsky. My Favorites]. Moscow: Kanon +, 2017. 608 p.
18. Kiperman Semen. Pod dvuglavym orlom i magendavidom [Elektronnyi resurs] [Under the double-headed eagle and the Magendavid]. *In sait IL Territory*. Available at: URL: <http://ilterritory.com/2014/05/03/mageneagle/> (Accessed 20.08.2017).
19. Levin K. Voennyi landshaft [Military landscape]. *Dinamicheskaya psikhologiya: Izbrannye trudy* [Dynamic psychology. Selected works]. Moscow: Smysl, 2001, pp. 87–93.
20. Lermontov M. Yu. Sochineniya: V 6 t. T. 1. [Works: in 6 v. Vol. 1]. *Stikhotvoreniya, 1828–1831* [Poems, 1828–1831]. Moscow; Leningrad: Publ. AN SSSR, 1954. 452 p.
21. Pergamenshchik L.A. Lev Seменович Vygotskii: v poiskakh tsentral'noi idei novoi psikhologii [Lev Seменович Vygotsky: in search of the central idea of new psychology]. *Dialog* [Dialogue], 2016, no. 2, pp. 5–12.
22. Sobkin V.S. Vstupitel'naya stat'ya. L.S. Vygotskii: abris sotsiokul'turnogo konteksta [Introductory article. L.S. Vygotsky: the outline of the socio-cultural context]. In Vygotskii L.S. *Polnoe sobranie sochinenii v 16 t. T. 1. Dramaturgiya i teatr* [Collected Works: in 16 v. Vol. 1. Dramaturgy and theater]. Moscow: Lev", 2016. 752 p.
23. Sobkin V.S. K issledovaniyu poetiki tekstov L.S. Vygotskogo [To the study of the poetics of texts L.S. Vygotsky]. *Nauchnoe tvorchestvo L.S. Vygotskogo i sovremennaya psikhologiya* [Scientific creativity L.S. Vygotsky and modern psychology]. Moscow, 1981, pp. 143–145.
24. Sobkin V.S., Klimova T.A. Kommentarii k neizvestnomu reportazhu L.S. Vygotskogo: vpechatleniya o Fevral'skoi revolyutsii [Commentary on an unknown report by L.S. Vygotsky: Impressions of the February Revolution]. *Voprosy psikhologii* [Psychology questions], 2016 (a), no. 5, pp. 88–101.
25. Sobkin V.S., Klimova T.A. Kommentarii k neizvestnomu fel'etonu L.S. Vygotskogo [Comments on the unknown satirist L.S. Vygotsky]. *Voprosy psikhologii* [Psychology questions], 2017 [v pechati].
26. Sobkin V.S., Klimova T.A. Lev Vygotskii mezhdru dvukh revolyutsii: k voprosu o politicheskom samoopredelenii uchenoego [Lev Vygotsky between two revolutions: to the

32. Шапиро А.З. Духовно-религиозные мотивы жизни и творчества Л.С. Выготского // Московск. психотерап. журнал. 1996. № 4. С. 147.

33. Хоровиц Брайан. Рефлексия и революция: позиция М.О. Гершензона в «Переписке из двух углов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.elenatolstaya.com/userfiles/45_3137.pdf (дата обращения: 20.08.2017).

question of the political self-determination of the scientist]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National psychological magazine]*, 2016 (c), no. 3 (23), pp. 20–31. doi: 10.11621/prj.2016.0303

27. Sobkin V.S., Klimova T.A. Neizvestnyi Vygotskii: ob opyte perevoda s drevneevreiskogo [Unknown Vygotsky: the experience of translation from the Hebrew]. *Voprosy psikhologii [Psychology questions]*, 2016 (b), no. 4, pp. 76–95.

28. Sobkin V.S., Klimova T.A. «Traurnye stroki»: k voprosu o natsional'no-kul'turnom samoopredelenii L.S. Vygotskogo [“Funeral strings”: to the question of national-cultural self-determination L.S. Vygotsky]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural and historical psychology]*, 2017, no. 2, pp. 4–12. doi: 10.17759/chp.2017.130201

29. Sobkin V.S., Leont'ev D.A. Psikhologiya iskusstva i psikhologicheskaya metodologiya v rannikh rabotakh L.S. Vygotskogo [Psychology of art and psychological methodology in the early works of L.S. Vygotsky]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 14. Psikhologiya [Bulletin of the Moscow university. Series 14. Psychology]*, 1994, no. 4, pp. 35–44.

30. Sobkin V.S., Mazanova V.S. Kommentarii k «Teatral'nym zametkam» L.S. Vygotskogo [Commentary on the “Theatrical's notes” by L.S. Vygotsky]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural and historical psychology]*, 2014 (b), no. 3, pp. 82–96. (In Russ., abstr. in Engl.).

31. Solov'ev V.S. Stikhotvoreniya i perevody [Poems and translations]. *V.S. Solov'ev. Izbrannoe [V.S. Solov'ev. Favorites]*. Sankt Peterburg: Diamant, 1998, 448 p.

32. Shapiro A.Z. Dukhovno-religioznye motivy zhizni i tvorchestva L.S. Vygotskogo [Spiritual and religious motives of life and creativity Vygotsky]. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal [Moscow psychotherapeutic magazine]*, 1996, no. 4, p. 147.

33. Khorovits Braian. Refleksiya i revolyutsiya: pozitsiya M.O. Gershenzona M.O. v «Perepiske iz dvukh uglov» [Reflection and revolution: the position of M.O. Gershenzon M.O. in “Correspondence from two angles”]. [Elektronnyi resurs]. Available at: URL: http://www.elenatolstaya.com/userfiles/45_3137.pdf (Accessed 20.08.2017).